

ці, асновай развіцця ведаў і здольнасцей студэнтаў у кірунку прамоцці кніжнай культуры Беларусі.

Літаратура

1. Довнар, Л. И. Книжная культура Беларуси: итоги проектной деятельности / Л. И. Довнар // Современные проблемы книжной культуры: основные тенденции и перспективы развития: материалы III Международного научного семинара (Минск, 19–20 апреля 2016 г.). – Москва: ФГБУ науки Научный и издательский центр «Наука» РАН; Минск: Центральная научная библиотека НАН Беларуси, 2016. – С. 85–86.
2. Матульскі, Р. С. Роля бібліятэк Беларусі ў фарміраванні і захоўванні кніжнай спадчыны Еўропы // Матэрыялы міжнароднага кангрэса “500 гадоў беларускага кнігадрукавання”. XIII Міжнародныя кнігазнаўчыя чытанні (Мінск, 14–15 верасня 2017 г.): у 2 ч. – Мінск, 2017. – Ч. 1. – С. 8–15.
3. Суша, А. А. Спадчына Францыска Скарыны ў Беларусі // Матэрыялы міжнароднага кангрэса “500 гадоў беларускага кнігадрукавання”. XIII Міжнародныя кнігазнаўчыя чытанні (Мінск, 14–15 верасня 2017 г.): у 2 ч. – Мінск, 2017. – Ч. 2. – С. 8–11.
4. Сапега, Т. А. Папулярызация кніжнай спадчыны Францыска Скарыны для дзяцей у рамках праекта “Угоці да кніг” Нацыянальнай бібліятэкі Беларусі // Матэрыялы міжнароднага кангрэса “500 гадоў беларускага кнігадрукавання”. XIII Міжнародныя кнігазнаўчыя чытанні (Мінск, 14–15 верасня 2017 г.): у 2 ч. – Мінск, 2017. – Ч. 1. – С. 158–161.
5. Сапего, Т. А. Формы и методы популяризации книжной культуры для детей: опыт Национальной библиотеки Беларуси // Современные проблемы книжной культуры: основные тенденции и перспективы развития: К 95-летию Центр. науч. б-ки им. Я. Коласа Нац. акад. наук Беларуси: материалы XII Белорус.-Рос. науч. семинара-конф., Москва, 26–27 марта 2020 г. / Междунар. ассоц. акад. наук, Совет по книгоизд. [и др.; редкол.: Л. А. Авгуль и др.; сост.: Л. А. Авгуль, Н. В. Вдовина]. – Минск; Москва, 2020. – С. 438–444.
6. Материалы V Международного конгресса «Библиотека как феномен культуры»: Комфортная среда библиотек: новые технологические и материально-технические решения, Минск, 18–19 октября 2018 г. / НББ; [сост. А. А. Суша]. – Минск, 2018. – С. 214.
7. Сапега, Т. А. Кнігазнаўчыя праекты Нацыянальнай бібліятэкі Беларусі // Берковские чтения — 2019. Книжная культура в контексте международных контактов: материалы V Междунар. науч. конф. (Пинск, 29–30 мая 2019 г.) / сост.: Л. А. Авгуль, Д. Н. Бакун. – Минск: ЦНБ НАН Беларуси; Москва: ФГБУН НИЦ «Наука» РАН, 2019. – С. 478–484.
8. Довнар, Л. И. Промоция книги, книжной культуры и книговедения: опыт белорусских библиотечных проектов // Современные проблемы книжной культуры: основные тенденции и перспективы развития: К 95-летию Центр. науч. б-ки им. Я. Коласа Нац. акад. наук Беларуси: материалы XII Белорус.-Рос. науч. семинара-конф., Москва, 26–27 марта 2020 г. / Междунар. ассоц. акад. наук, Совет по книгоизд. [и др.; редкол.: Л. А. Авгуль и др.; сост.: Л. А. Авгуль, Н. В. Вдовина]. – Минск; Москва, 2020. – С. 183–191.

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ I
УДК 821.161.1+091

О. Д. Журавель, проф., докт. филол. наук
(НГУ, г. Новосибирск)

ДРЕВНЕРУССКИЕ ЖАНРОВЫЕ ТРАДИЦИИ В СТАРООБРЯДЧЕСКОМ «УРАЛО-СИБИРСКОМ ПАТЕРИКЕ»

«Урало-Сибирский патерик» — обширное историко-агиографическое сочинение, созданное в конце 1940-х–начале 1990-х гг. книжниками крупнейшего на востоке России старообрядческого согласия часовенных [1]. Этот памятник является уникальным источником по изучению не только идеологии и истории старообрядчества, но и народной духовной культуры. В конце прошлого столетия рукопись, известная ранее только в старообрядческой среде, была обнаружена сибирскими археографами, а в 2014–2016 гг. Н. Н. Покровским, Н. Д. Зольниковой и О. Д. Журавель осуществлена её научная публикация [2, 3]. В издании были учтены все архаичные орфографические и графические особенности, включая надстрочные знаки и буквы старославянского алфавита, свойственные рукописи.

Согласие часовенных формировалось с начала XVIII века, в силу обстоятельств мигрировало с Керженца в центре России на Урал, затем в Сибирь. Главные скиты обосновались с 1936 года в Красноярском крае, в глухой тайге в низовьях Енисея. Именно там, в таежных скитах, и создавался этот памятник, призванный запечатлеть историческую память согласия. Идея его написания принадлежит отцу Симеону, руководителю главного скита часовенных. В конце 1940-х годов он обратился с просьбой к пустынножителем и к жителям соседних деревень собирать рассказы о наиболее важных событиях и людях, связанных с историей согласия. В итоге Патерик наполнился не только литературными, но и фольклорными сюжетами. Среди его источников — произведения ранневизантийской и древнерусской книжности, историческая и научно-популярная литература, а также рассказы, основанные на устном предании — легенды, слухи, былички и бывальщины. В нем много записей чудес, есть эсхатологические видения. Самоназвание памятника — «По вести чудесных событий». Язык патерика эклектичен — тут и элементы старославянского книжного языка, и просторечия, и фольклоризмы.

В 1951 г. карательный отряд Министерства государственной безопасности разгромил скиты, пустынножители были разосланы по лагерям ГУЛАГа, богатая библиотека, в которой были ценнейшие фолианты XVI–XVIII веков, уничтожена, но рукопись патерика спасти удалось: запечатленные карателями в сарае, пустынножители закопали ее в земле, а спустя

несколько лет не только восстановили, но и продолжили новыми главами. Сам отец Симеон умер в заточении, а над восстановлением и дополнением рукописи работа велась еще несколько десятилетий. Последний редактор, Афанасий Герасимович Мурачев, и передал ее сибирским ученым.

В трёх томах содержится 212 глав, в том числе несколько десятков повествований житийного типа. Агиографический контент обусловлен основной концепцией памятника: запечатлеть историческую память согласия в условиях эсхатологического времени — идея историческая тесно связана с эсхатологией. Об этом говорит и предисловие, где перефразируются цитаты и из Евангелия, и из сочинений выговских авторов начала XVIII века.

Идеологи согласия издавна выводили свою историю от истоков христианства, от самого Христа, считали себя последователями святых Древней Руси, почитали и основателей староверия, протопopa Аввакума и других сторонников старого обряда, особенно книжников Выговского центра. Концепция исторической памяти и преемственности оформлялась при помощи ряда мифологем — в первую очередь это мифологема «благодати», которая передается по наследству «верным» «другопредатне», из рук в руки [4, с. 179–186]. После 1666 г. наступила эпоха духовного антихриста и именно эта, «из рук в руки», воспринятая благодать становится своеобразным духовным генетическим кодом, обусловившим понимание святости и распространение сферы сакрального на всех «истинно верующих». Эта идея стала почвой, на которой в новых исторических условиях создавались агиографические тексты, воспроизводящие древнейшие жанровые формы.

Повествования агиографического типа посвящены как легендарным личностям прошлого, так и пустынножителям XX века, и отразили процесс сакрализации в среде старообрядцев-часовенных. Одни агиобиографии напоминают краткие жития патерикового типа, другие являются обширными жизнеописаниями. Главным принципом при создании жизнеописаний было требование достоверности источников, что было важно и для древнерусского агиографа. Источником мог служить зафиксированный рассказ, основанный либо на легенде — и тогда фольклорный факт становится достоверным документальным источником, либо на личных свидетельствах. В случае недостатка известий содержание главы не восполнялось элементами книжного житийного канона, рассказы разных информантов не сливаются, между ними четко проводится граница («до сих мать Флена»; «до сих отец Антоний» и т. д.).

В главах о подвижниках, память о которых жива среди современников создателей сочинения, проявилась тенденция к созданию агиогра-

ПАЛЕНАРНОЕ ЗАГЕДАНИЕ I

фических циклов, когда образ инока служит своеобразным композиционным стержнем повествовательного комплекса. Подобные циклы сосредотачивают внимание на разностороннем раскрытии личности подвижника. Эти циклы состоят из двух основных обязательных частей:

1. Биография, дающая, наряду с жизнеописанием, своеобразный «литературный портрет» подвижника;

2. Прижизненные или посмертные чудеса, свидетельствующие о святости героя повествования;

3. «Литературное наследие». Если подвижник обладал литературным даром, был «искусен в Божественном Писании», приводится перечень его сочинений, включаются цитаты из них, а также рассказы, записанные со слов самого подвижника — о силе молитвы, о чудесных исцелениях, о бесоодеждаемых и так далее. Патерик таким образом открывает нам целый ряд имен талантливых народных писателей. Это, например, книжница мать Македония, считавшая, что «вся жизнь дыхания нашего в книгах» [2, с. 187]. Среди ее трудов — и краткие патериковые жития, и своеобразные новеллы. Она изготовляла и миниатюрные книжицы, сопровождая их собственными иллюстрациями. Практически потеряв зрение в преклонные годы, она признавалась, что, когда пишет книгу, будто «видит светлый клубочик, и он мне освещает, егда пишу» [2, с. 182]. Одну из таких книжек ученым недавно удалось обнаружить [5].

Отдельные элементы жанрового канона, типизация «по агиографическому типу», совмещаются в Патерике с тенденцией к индивидуализации облика персонажа. Здесь создан целый ряд ярких, самобытных образов подвижников, и некоторые главы по жанру напоминают не столько жития, сколько литературные портреты. Так, образ отца Лаврентия, строгого руководителя центральных скитов часовенных, «тщательного подвижника и нелестного делателя», невозможно спутать с образом его ученика отца Нифонта, более склонного к уединенной созерцательной жизни. В духовном облике матери Анатолии особо подчеркивается ее забота о монастырской «семье», умение найти слово утешения, поддержки. «Когда к ней придешь с какой-либо обидой, мало поговорит, только скажет: «Себе внимай, его всей пройдет, как ветер продует...» [2, с. 217]. Матушка Алевтина «В молитвах и на пении слезных потоки изливала, и то было удивительно, что когда поет или читает, глас не изменяет, а слезы по ланитом текут». Главный ее дар — пение: «Никогда не устаю петь, более пою — сильнее голос» [2, с. 208–209].

В скитах урало-сибирских часовенных были унаследованы ранневизантийские и древнерусские аскетические традиции. Среди книж-

ных авторитетов неизменно оставались сочинения Феодора Студита, Исаака Сирина, других проповедников «узкого пути» к Богу. В ряде текстов содержатся указания на «любовь к безмолвию», «умное делание», «умную молитву», в чем можно видеть проявление исихастских тенденций, весьма распространенных в среде часовенных-староверов.

Тексты Патерика свидетельствуют о своеобразном преломлении в современной старообрядческой книжности древних традиций. Наиболее наглядно совмещение книжного канона и реалистических описаний проявляется в агиографических нарративах. Урало-Сибирский патерик, помимо оформления исторической памяти, был призван напомнить о важности сохранения духовных и нравственных традиций в «опасные» времена.

Литература

1. Покровский, Н. Н., Зольникова, Н. Д. Староверы-часовенные на востоке России в XVIII–XX вв.: Проблемы творчества и общественного сознания / Н. Н. Покровский, Н. Д. Зольникова. – М.: Памятники исторической мысли, 2002.
2. Урало-Сибирский патерик: тексты и комментарии: В трех томах. Книга 1 (Том 1–2) / Отв. ред. Н. Н. Покровский. – М.: Языки славянской культуры, 2014.
3. Урало-Сибирский патерик: тексты и комментарии: В трех томах. Книга 2 (Том 3) / Отв. ред. Н. Н. Покровский. – М.: Издательский дом ЯСК, 2016.
4. Журавель, О. Д. Литературное творчество старообрядцев XVIII–начала XXI вв.: темы, проблемы, поэтика / О. Д. Журавель. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2012.
5. М. Македония. Цветник духовный для отроков / авт.-сост. Е. В. Быкова, А. А. Пригарин – Киров: ООО «Кировская областная типография», 2020.

УДК 811.161.3*27

Я. Я. Иваноў, дац., докт. філал. навук
(МДУ імя А. А. Куляшова, г. Магілёў)

АФАРЫЗМЫ І АДНАФРАЗАВЫЯ ТЭКСТЫ

Адным з найбольш дыскусійных пытанняў у сучаснай лінгвістыцы тэксту з’яўляюцца суадносіны афарызмаў з такой стракатай групай малых тэкстаў, як аднафразавыя тэксты, што складаюцца з адной фразы (з аднаго простага ці складанага сказа), але маюць разнастайны змест, шматлікія жанравыя формы і ўжываюцца ў самых розных сферах камунікацыі.

Такія тэксты з’яўляюцца спецыфічнай разнавіднасцю як малых тэкстаў, так і тэкстаў увогуле, паколькі маюць мінімальную форму, гэта мінімальныя тэксты, у якіх адсутнічае мяжа паміж асобным сказам і цэлым тэкстам. Паходжанне аднафразавых тэкстаў сягае ў сіву

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ I

даўніну, гэта і выслоўі старажытных мудрацоў, і манументальныя надпісы, і даўнія эпіграмы (рытуальныя і іншыя надпісы на прадметах), і эпітафіі, і парэміі (прыказкі, гаспадарчыя выслоўі, устойлівыя юрыдычныя формулы, народныя прыкметы, павер’і і інш.). Шмат разнавіднасцей тэкстаў маюць аднафразавую структуру, што дазваляе вылучыць іх у самастойны аб’ект лінгвістыкі.

У працы Э. М. Берагоўскай «Стилистика однофразового текста» (2015) афарызм разглядаецца як адзін з ядзерных відаў аднафразавых тэкстаў (разам з прыказкай, лозунгам, дэвізам, максімай і інш., што звычайна таксама адносяцца да афарыстычных фраз). Паняцці “афарызм” і “афарыстычнасць” даследчыца спецыяльна не вызначае (не спасылаецца і на існуючыя дэфініцыі), але прыпісвае аднафразавому тэксту якасці, уласцівыя афарызму: «монофрастичность» («первый и главный признак», што «отличает однофразовый текст от всякого другого»), «преобладание автосемантии», «тенденция к клишированию», «способность к разнообразным трансформациям» [1, с. 309–311]. У гэтай сувязі паўстае праблема суадносінаў паняццяў афарыстычнасці і манафрастычнасці, вырашэнне якой з’яўляецца важным як для таксанаміі малых тэкставых форм, так і для лінгвістычнай тэорыі афарызма [2].

На наш погляд, афарызм нельга кваліфікаваць у тэрмінах лінгвістыкі як «кананічны тэкст», што традыцыйна ўспрымаецца як спецыфічны ў адносінах да іншых тэкстаў (на суперак погляду Э. М. Берагоўскай [1, с. 22]). На самой справе, афарызм як лінгвістычны аб’ект паводле сваіх якасцей з’яўляецца складаным (можа ўтвараць з іншымі аб’ектамі больш за адно мноства), аднак валодае ўласнымі прыметамі (якія разумеюцца лінгвістамі па-рознаму, але і вызначаюцца), асноўнай з якіх з’яўляецца прымета афарыстычнасці (якая таксама разумеецца па-рознаму, але заўсёды вылучаецца).

Калі звярнуцца да традыцыйнага (шырокага) разумення афарыстычнасці як сцісласці, лаканічнасці і г. д. (што характарызуе форму афарызма), то ў такім разе паняцці афарыстычнасці і манафрастычнасці цалкам супадаюць, паколькі ў самым шырокім сэнсе афарызм вызначаецца як кароткая, лаканічная фраза з сінтаксічнай пабудовай сказа (г. зн. аб’ёмы паняццяў афарызма і аднафразавы тэксту аказваюцца тоеснымі).

Такая тоеснасць (калі кожны афарызм з’яўляецца аднафразавым тэкстам, а кожны аднафразавы тэкст — гэта афарызм), зразумела, парадаксальная, паколькі на самой справе паняцці аднафразавы тэксту і афарызма знаходзяцца паміж сабой у адносінах гіпераніміі (кожны